

игорь райбан

ИСПАНИЯ
обряд перехода
серия проект «отступник»

Игорь Райбан

Испания. Обряд перехода

«Издательские решения»

Райбан И.

Испания. Обряд перехода / И. Райбан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907877-3

«Это приятно: хотеть, знать и иметь возможность узнать, что будет дальше в продолжении». Вот и возникло продолжение приключений Джоника. Новая часть получилась в стиле «роуд-муви». Вместе с рассуждениями о жизни, о смерти, о времени. О многом, что зацепилось, что хотелось сказать по «дороге» написания.

ISBN 978-5-44-907877-3

© Райбан И.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Последняя терция. Начало	7
Ветер Вечного Времени	14
Смерти Вопреки	25
Театр: Игры Кошек и Волков	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Испания. Обряд перехода

Игорь Райбан

Художник Ася Оболенская

© Игорь Райбан, 2018

ISBN 978-5-4490-7877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

«Это приятно: хотеть знать и иметь возможность узнать, что будет дальше в продолжение». Вот и возникло продолжение, приключений Джоника.

Новая часть получилась, в стиле «роуд—муви». Вместе с рассуждениями о жизни, о смерти, о времени. О многом, что зацепилось, что хотелось сказать, по «дороге» написания.

Благодарю всех, кто помогал в работе над книгой, и принимал участие, даже не подозревая об этом.

Последняя терция. Начало

Конец мая 1643 года от рождества христового.

* * *

Пурпурно—рубиновый, косой крест с иглами шипов, как живой затрепыхался, забился в агонии. Вобравший в себя неприкаянные людские души, он затрепетал на слабеньком, чуть поднявшимся дуновение полуденного ветра.

Испуганной осиротевшей птицей, потерявшей птенцов, заполоскались две кровавые полосы, вышитые киноварной нитью на двуязычном стяге.

На испачканной гарью сражения, бывшей когда-то ослепительно белоснежной, шелковой материи полотна.

Расправляя истёрзанные крылья, непокорный штандарт испанской гвардии, взвился в бездонные майские небеса, по воодушевляющему приказу капитан—генерала отважного герцога Альбукерка.

Презрев к дьяволу и черту, неоднократные предложения о сдаче в плен, галантных французов, на весьма выгодных и достойных короля условиях: всем раненым гвардейцам помощь лекаря, оставаться при своем оружии и флаге, далее после недели плена – отпуск по своим домам.

Естественно, кто пожелает вернуться в Испанию.

А кто, дескать, захочет, может оставаться и служить во благо Франции и трона нового, недавно родившегося короля Людовика XIV де Бурбона, по будущему прозвищу современников – Король Солнце.

Но выбрав общим решением терции, гордую смерть на поле боя.

... – Поднять штандарт, – дрогнувшим воплем отчаяния из последних сил завопил, захлебываясь истекающей кровью от ранений, сидевший на грубом деревянном помосте, умирающий герцог.

После очередной кровавой схватки, прибравший к себе навечно новую жатву павших воинов, с обеих сторон.

Молодой, совсем безусый юноша, копейщик прытко подхватил с земли отложенный стяг на момент очередной атаки конницы французского дворянства.

Раздвинув изрядно поредевшие линии шеренг испанцев, бравирую напоказ он, этот юнец —пикинёр, то есть воин с длинной пикой, выскочил вперёд из общего строя гвардейцев, оперев высокое древко флага в землю.

Да вдобавок задорно выкрикивая в спины отступающим французам, обидные для этой национальности ругательства.

Зефир дыхания воздуха, бог весть откуда-то возникнувшим, освежал во время минутной передышки, изнуренные лица и усталые тела третьей, да уже не третьей центральной, а самой последней терции, окружённой со всех сторон бесчисленными французами.

Что осталась от пяти полков терций испанской гвардии.

Да и от самой армии тоже совсем ничего не осталось.

Все были убиты, или захвачены в плен, а в лучшем случае разбежались по близлежащим полям и селеньям, возле неприметного и захолустного городка, под названием Рокруа.

Вошедшим в Историю, как местом «испанской мясорубки».

После которой королевская Испания, навсегда потеряла свое военное могущество на арене Европы.

Поэтому на этом наблюдательном помосте, сделанном для командира терции, сейчас находился и командовал уцелевшей горсткой испанцев, сам подраненный капитан—генерал.

Средневековое Лето обещало быть жарким, несмотря ни на происходившие битвы в нынешний век.

Ему – «Verano»: повелителю солнца, не до человеческих страданий и жертв, привнесённых богу войны Марсу.

Как желто—пустынная Святая Земля иудеев, обильно политая человеческой кровью во имя разных богов. Только почему она церковно святая?

Может наоборот, проклятая всеми подряд, если на ней творились всякие бесчинства. Да и денек уходящей весны, выдался на славу жарким и потным. Вместе с горнилом дневного сражения, длившегося много часов подряд с самого туманного утра.

Видно люди никак не могли согреться от долгой зимней спячки, поднимая раз за разом, как кузнечные молоты, обмакнутые в кровь смертоносные жала клинков.

И для многих рыскающих по раскинутой земной тверди и едва шевелящихся муравьев—человечков с отрубленной лапкой, если смотреть с высоты восходящего солнца – этот день стал последним в их жизни.

...Я тяжело, не веря, что до сих пор остаюсь живой, с ознобом и до свиста в легких, вдыхал в себя жизненно свежую субстанцию воздуха.

Опершись ладонями на навершие длинноклинкового меча—бастарда, счастливого для меня полутораручника. Такое оружие можно назвать переходной ступенью между одноручными и двуручными мечами, нечто среднее. Поэтому так и прозвали внушительный клинок.

Кое-как стоял, бесполезно стараясь унять дрожь в ослабевших коленях и руках. Предплечья и ноги гудели от дикого перенапряжения, спина под одеждой промокла от липкого пота.

Голова раскалывалась на части, сломанные ребра ломило от боли, уши заложило от близкого свиста и звончайшего лязга боевого железа.

Давно потеряв счёт внезапным наскокам французской кавалерии и пеших рыцарей, на наше оцетинившиеся сталью, каре терции.

Французы, похоже намереваясь неуклонно взять нас тактикой измора и усталостью. «Бастард» зажатый до побеления на костяшках ладонях, в последнюю, то есть крайнюю, схватку, почти фантастично, только что спас мне жизнь.

...Конный рыцарь лягушатников, из знати голубых кровей, весь в перьях и сверкающих на солнце латах с головы до ног, подкакав к месту одиночного побоища поближе, дабы сберечь силы, спешил с коня, громяхая железом и сталью. Почему одиночного?

Да все из нашего войска были давно мертвы, или взяты в плен.

А вилланы – трусливые крестьяне, кое— как рекрутированные из деревень, разбежались по кустам, спасая свои позорные шкуры. Последняя терция, вместе с моей ротой, закалённых в боях ветеранов гвардейцев, осталась только одна на всём поле сражения, наполовину изрядно поредев к полудню.

Подобный стальному танку, рыцарь заревев рыком дизельного движка во всю луженую глотку, веером закрутил над головой шипастый люцернхаммер с гирьками (германский боевой молот).

Благо латник здоров, примерно как небольшая ходячая гора.

Страшное оружие, между прочим, если попадет такой штукой – то без шансов. А наши огнестрельные аркебузы с мушкетами, давно валялись под ногами без дела, за отсутствием пороховых зарядов.

Шаг—два—три: рыцарь, идущий танком, быстро сократил дистанцию боя до передней к нему шеренги строя.

В щепки разнося бесполезные, против этого грозного молота, гизармы и глефы (разновидности копий).

Тотчас вклинившись почти в середину каре, размолотив за несколько секунд с десятков бойцов: часть первой и второй, да и уже считай третьей линии.

И захрустели сухим хрустом испанские изломанные кости, под ужасным молотом. Забрызгала кровь карминными струйками из перебитых тел.

Разлетались мозги сгустками ошметок из раскрытых черепов, во все стороны.

«Капитан! Капитан!» – услышал предсмертные возгласы своих гвардейцев.

Повернувшись на голоса, краем глаза ухватил это действие, ведущее к мгновенному поражению.

Сразу уразумев, что нас тут же сомнут со всех атакуемых сторон, пешие французы рубяки, через спину бросил стоящему позади меня соратнику:

– Прикрой здесь!

«Эх, Джоник—Джоник!» – по привычке помянул черта, в очередной раз отмахнулся от рыцаря, тыкающего длинным мечом, и кинулся в самую гущу смертельной заварушки.

– Держать строй, салабоны! – По пути озверело выкрикивая, в пылу боя на рефлексх вспоминая свои чеченские будни. В руках только легкий одноручный фальчион, на плечах кожаный нагрудник со стальными полосами наплечника, спасающий от легких порезов. Да и тот делался непригодным, почти превратившись в рваные висевшие на мне лохмотья.

Тут бы точно не помешал армейский броник с «грозой».

Вот и совсем рядом свистопляска святого Витта: пока добирался, молот со свистом ковал и ковал всё новые жертвы.

Бездушный механизм рыцаря с люцернхаммером работал безостановочно, как конвейер смерти в Дахау.

Опустошая пространство, место «наковальни» вокруг себя.

Всё! Остались он и я. Больше никого из стоящих на ногах рядом с бессмертным берсерком – нет!

Озверевший и вкусивший крови, и точно он как новообращённый зверь берсерк медведь, вошедший в транс Молоха смерти. И снова только тупо я уповал на безмозглую Фортуна, которая как известно, в любой момент могла повернуться задом.

Вихрь от гирьки, приклепанной цепью к боковинам болванки молота, ожидаемо взлохматил волосы на макушке.

Загодя предвидя это, я пригнулся в неуклюже неловкой стойке.

Почему в неуклюжей? Да повсюду на земле обетованной, лежали свежие трупы собратьев по оружию.

Как ни прискорбно об этом говорить, но они мешали адекватно реагировать в поединке и передвигаться.

Взгляд никак не мог сосредоточиться на действиях противника, то и дело, скользя по павшим телам, с трудом узнавая изуродованных, близко знакомых бойцов, ставшими моими амиго посмертно.

Там навзничь Гарсия лежит, я опознал его по зеленому кушаку.

Вон, раскинув руки, упокоился здоровяк Гонсало, со снесенной головой.

Чуть не наступил на Игнасио, далее месивом лежали вповалку Рамирес, почти мой тезка – Рикардо, и Педро...

Спаси бог, почти все гвардейцы ветераны кореша погибли здесь.

Жуткое зрелище, на самом деле.

Сливающаяся в одно окружное целое, траектория молота непредсказуемо изменилась.

Со звонким щелчком ломая мой защитно выставленный фальчион на обломки. Да, тут без вариантов.

Если фальчион чудом не сломался бы, то всё равно гирьки захлестнули обломок с рукояткой, и по инерции движения молота вырвали его из руки.

Оставив полностью безоружным.

«Чёрт! Да когда же он устанет махать!» – отрешенно наблюдая за неумолимо приближающейся смертью.

Следующий оборот замах длинноручного молота будет по мне!

Сразу в уме наглядно представляя картинку:

Замедленно молот приближается к голове.

Гирьки, железные шишки, вращаются в полете.

Колючка шипа молота остро входит в мозг, сломав височную кость.

Боли не должно быть ведь, кора мозга не чувствительна к боли, там нет болевых рецепторов, чем охотно пользуются нейрохирурги.

Симптомы активации височного мозга, также можно увидеть на пике молитвы, когда люди упиваются духовной трансцендентностью.

Их можно наблюдать в религиозном возрождении, когда звуки эмоциональных гимнов вызывают слезы и улыбки, а также чувство облегчения. Где бы ни разваливался Мир, и ни умирали любимые, появляются эти паттерны. Всякая известная терапия, сильно уступает Опыту Бога, только он бывает один раз в жизни.

С помощью единственной вспышки в височной доле, люди за считанные доли секунды, находят опору и смысл.

Вместе с ней приходят истинная уверенность и ощущение божьей избранности. Сколько людей умерло, продолжая улыбаться, на полях сражения и в битвах, в ожидании еще одной—единственной вспышки электрической активности нейронов.

Болванка молота размозживает черепную коробку, превращая её в невесть что. Радость ухода из бытия. Мрак. И дальше ничего.

Больше ничего не привиделось, точнее не успелось.

Что-то невидимое, разжатой пружиной толкнуло в спину, заставляя немедленно действовать.

Кувырок влево, где просторней: на разрыв дистанции.

Но остроносый саботон (латный ботинок обитый сталью) попал под ребра, жёстко обрывая движение на половине пути, и вбил меня в землю остановив дыхание.

Наверняка, обеспечивая переломы нескольких ребер грудной клетки.

Рыцарь—берсерк, с удвоенной силой, обрадовано заревел громко.

Громче иерихонской трубы, готовясь нанести один—единственный смертельный удар.

Ладонь, бессознательно сама по себе отдельно от тела, шарясь по земле, легла на что-то объемное и холодное, похожее на рукоять. Дёрнув «это» к себе, ощутил внутренним видением, что в руке тяжелый меч: просто видеть уже было поздно.

Молот устремился в незащищенную голову.

Приподняв меч за рукоять, махнул им.

Просто хотя бы пытался сбить молот в сторону.

С грохотом, издав неимоверный звон и оглушив, молот врезался во что-то железное, валяющееся на земле рядом с головой.

Железной штукой оказался, сбитый с головы, чей-то шлем кабассет.

Превратившись в смятую железную лепешку.

Получилось!

Оглушение пройдет, главное пока жив, да и боли в ребрах пока не ощущалась. Адреналин боя – лучший наркотик.

Рыцарь, вслед за молотом, принужденно нагнулся.

Я кое-как задыхался, через силу преодолевая боль в легких, дыхание немного выровнялось.

Теперь моя очередь, уж не обессудь месье за это.

Фух! Двойной удар ногами по корпусу, из положения лежа, тоже не шутки. Удар, конечно не пробил тело и корпус, но отбросил в бок латника, вместе с молотом, приводя его в чувство.

А то он почуял свою безнаказанность.
Зато я встал с колен, то есть сначала с земли, затем на ноги.
Берсерк непонимающе стоял, не зная, как это произошло.
Потом он очнулся, вознес молот вверх, ринулся навстречу.
Но я стоял наготове.
Мечи возле гарды, в локоть не затачивают!
Потому, перехватив левой рукой за тупое лезвие клинка: встретил ручку падающего молота.
Искры, звон стали – столкнувшегося металла друг с другом.
Кое-как удерживая молот двумя руками, крутнул рукоять с гардой.
Сталь клинка заскользила по ручке молота, освобождаясь от слишком плотного сцепления.
Раньше я немного имел честь учебно фехтовать на спадоне или эспадоне, похожим на этот полуторачник.
В толедской школе мастеров фехтования, там и узнал некоторые хитрые приемчики. Вот и пригодилось. Но всё потом.
Выводя рукоять вверх и вбок, резкий удар тычком наверху клинка в забрало мосье.
Четкий удар—тычок еще больше отрезвил его, откидывая назад.
Теперь мы на равных, и я даже в более выгодном положении.
Рыцарь оторопело обреченно, уже устав, и не так стремительно закрутил молот над собой.
Вот уж хрен вам!
Чуть прыгнув вперед и наискось, да сколько я прыгал за этот денёк, рубанул по ближней ноге латника.
Сталь наколенника не спасла ногу, она не сдержав удар раскололась.
Пропуская клинок до мяса мышцы.
Брызнула кровь, рыцарь осел, хрипя какое-то ругательство на своём «парле-франсе».
Чувствуя конец, он попытался бросить молот в меня.
Но не успел.
Остро заточенное острие глубоко, упершись в металл шлема, вошло в пробел забрала, продолжая мою комбинацию колющего удара.
Мерзко чавкнуло, даже я это почувствовал, вытаскивая клинок из забрала.
Туша рыцаря погромыхивая люцернхаммером, медленно повалилась оземь, постепенно затихая.
Иди к черту, месье! Все кончено.
И заняло не более нескольких секунд.
Вот что чувствуют мужчины, когда убивают друг друга.
Боль и разочарование в жизни. Боль и омертвевшая пустота, которая будет преследовать по пятам до конца дней.
Когда лишаешь жизни кого—то, то сам в ответ теряешь самого себя.
Это не имеет значение, когда так неожиданно случится: будь то война, будь то криминальная разборка.
Все одним миром мазаны изначально.
Гвардейцы, кто стал свободен, было запоздало кинулись на подмогу.
Но помощь мне не потребовалась.
...Теперь вот и стоял, припав к «бастарду», учащенно дыша.
Сзади кто-то грубо толкнул в сторону, выбегая вперед за вольную линию шеренги. Может мне и кричали посторониться, но я же говорю: уши заложило, как после натуральной контузии.
Это вылетел молодой пикиёр, с флагом терции наперевес.

Его после первых стычек с конницей, поставили специально из-за своего молодого возраста, служить вроде адъютанта при герцоге Альбукерке.

Хотя бы так, может, выживет или поживет чуть долее.

Он лихо воздел штандарт вверх. Стяг с крестом гордо встрепенулся на ветру, развеваясь во всю длину.

«Эх, молодость, молодость...» – укоризненно подумал, да только не стал одергивать юнца молокососа, недавно отнятого от мамкиной юбки.

И как таких в армии набрали?!

Или видимо, всё-таки, юнец то из бывших мочильеро оказался.

Нынешних сынов полка, появившихся на свет в большом количестве, в связи с войнами.

Да что теперь делать, если всё равно смерть с косой близка, и вплотную подходит к носу. Неслышно ступая, подошел полковник, граф Виландия.

Ставший номинальным командиром терции, старшие командиры погибли раньше. Молча, да я и не слышал толком его, ободряюще похлопав по моему плечу, встав рядом, с незамутненной горечью смотря вдаль Мира. Виландия – к тому же он и оказался тем самым Черным Сталкером.

Моя главная цель и миссия в этом времени.

– Ну что, брат сталкер Риккардо, не пришло, значит, Время идти домой, «назад» в Зону? – глухо спрашивая, то ли говоря утвердительно вслух, едва шевеля губами. Но смысл обращения я понял.

Рано или поздно, время настанет, нашего возвращения. Обязательно. Уже скоро. Не позднее данного вечера.

В такт нашим общим мыслям, в голове промелькнули ускоренным видеорядом события последних дней и недель.

Но кто же я такой? И что это означает: пора домой?

Я поведаю вам все.

О, мои благодарные слушатели.

Расскажу обо всем, не скрывая, благо выдалось свободное время:

Как, небрежной волею судьбы, я оказался здесь на поле битвы.

Как нашел затерявшегося Сталкера. Как, в конце концов, выживал на дуэлях. Но обо всем по порядку.

И начнем почти с самого начала: на моём пути в Толедо, второй столице средневековой Испании.

Тут ветер стих на возвышенности, расправленное полотно стяга устало обвисло. Превращая наш двукрылый штандарт, в траурную похоронную хоругвь. Я обернулся назад, обводя взглядом наше понурое войско.

Ещё одну атаку нам не выстоять.

Покажите мне того, кто останется сегодня живым из полка?!

Мало кто остался в шеренге стоять целым, и не раненым, в силах держать оружие в твердых руках. Почти никого. Из трех тысяч накануне в терции, в обречённом строю, всего не больше половины роты.

Замолк навечно герцог Альбукерка, наконец испустив дух на поле брани, успокоясь на командирском помосте.

Но в дрожащий от слёз, до рези в глазах дали, в растекающимся мареве битвы, в круговом расположении походных лагерей неприятеля, заплескались бесчисленно многие, белые прямоугольные кресты, предвестниками будущей победы, на ультрамариновых синих флагах и знаменах.

Ветер, как и изменчивая Виктория, подлю сбежал в сторону сакральных изображений флёр—де—лисов, так называемых королевских лилий Франции, обрамлявших кресты.

Ветер Вечного Времени

Начало мая 1643 от рождества христово.

* * *

Незаметно подкрадывался к завершению майский финал весны.

Велением природных богов, так случилось, что быть ныне весне ранней.

Но пустынно засушливой, маловодной и особенно безветренной наступившей сезонной погоды.

Колючая пыль просохшей земли недружелюбной дороги, от которой едко першило в горле, взметённая тысячами людских ног и подковами копыт лошадей кавалерии, густой взвесью клубилась над нескончаемыми фалангами испанской армии.

Пылила многотысячная колонна, пешая и кавалерийская, по узкой горной дороге, протоптанной предками меж низеньких альпийских горочек, кое-где покрытых ещё не растаявшими снежными шапками.

Пылil медленный войсковой обоз, перекатываясь на скрипучих колесницах и повозках, набитых нехитрым войсковым провиантом до отказа.

С упитанными вороватыми обозниками, меркантильными распутными маркитантками, мальчишками—мочильеро.

Как правило, они оставались без родителей и отчего дома.

В ту злосчастную пору по всей Европе, волнами прокатывались бесчисленные войны, прозванные хронистами периодом Тридцатилетней войны. Игры престолов огнем и мечом, выжигали людское население.

Всю Европу трепало в лихорадке, как при моровой чуме.

Погибали ни за что миллионы безвинных людей.

Умирали представители старых династий, и рождались на свет новые короли и крон-принцы – единоличные наследники престолов. Заключались выгодные королевские браки и военные тройственные союзы.

Сходились вновь Объединения и Лиги.

Одновременно распадались Республики и Конфедерации.

На глазах рушился, и стоял на головах весь Мир.

Чехи протестанты, воевали против Католической Лиги, потом датчане и шведы бились с ними. Затем чехи против шведов.

И так по замкнутому кругу. Под конец локальных войн, сами католики из Лиги передрались между собой. То есть: Испания, Англия, и Франция.

Папа Римский Урбан 7, устал уже всех враждующих королей мирить и ушел на смиренный покой.

А вот сменивший его на посту Папа Иннокентий 10, напротив, хотел воевать! И постоянно требовал на аудиенциях, человеческой крови и жертв. Поэтому он даже предпринял самостоятельно военный поход против маленького княжества Кастро в Италии, которое принадлежало семье Фарнезе. Город был захвачен, жилые дома и церкви в нём разрушены.

А земля, на которой он находился, присоединена к папским владениям.

И это святой человек, викарий самого Христа! Ну да бог ему судья.

Посему тысячи беспризорных пацанов, в пылу мальчишеской военной романтики, сбегали в армию, где прислуживали носильщиками оруженосцами для офицеров или помощниками лекарей.

Принести—подать, что-либо из аптек на поле баталий: бинты там, свежей воды. Потом иди отсюда, не мешай большим дядям играть во взрослые игры. Пылили требушеты и пушки мортиры, ведомые на лошадиной тяге, еле плетущиеся позади в арьергарде.

Пылевое облако стояло мутным столбом, по капли песчинки одной, оседая на головы и щетинистые лица измученных людей многодневными переходами. По предательски выдавая путь на Север, к очередному покорению упрямой загадочной Фландрии, населенной непокорными фламандцами, проповедующей протестантство.

...Я оглушительно чихнул, снова пугая коня подо мной, да так что он заржал, становясь на задние копыта, невольно тормозя маршевый строй.

Вот чертова пыль, от неё не спасало ничего.

И даже смоченный драгоценной водой из походной фляжки, подшейный платок, повязанный на манер палестинских авраамитов.

Да хоть бы ветерок задул на время, да снёс бы пылицу немного в сторону. Что за напасть такая? Уже который день воздух ни шелохнулся ни разу, как назло. Закон подлости: то сезон проливных дождей, то дышать невозможно проклятой пылью. В сотый раз я проклинал всё подряд на свете: безветрие, поход, начальство, свою судьбу окаянную.

И снова по кругу полетели паршивые мысли.

Мельчайшие частицы пыли и песка сушили губы, скрипели гадской мукой, досаждая натянутым нервам, забивались в рот и нос.

И не вырваться никуда из общей колонны, куда нибудь в сторону: не имеем права такого на всякие вольности: командир – пример для подражания.

Сегодняшний день походил на прошедший день, ни капли не отличаясь.

Да и неделю назад. Всё такое же: пыль да поход.

Только в кино так красиво рыцари скачут на конях со знаменами.

На самом деле, всё абсолютно буднично происходит.

Вот идет колонна армии. Ну допустим в 20—40 тысяч голов.

Пешие гадят, рыцари тоже, лошади в три зада, и прочее, и прочее.

Сколько только навоза остаётся после завоевательных походов, никто не задумывался из диванных историков.

А зря! Такое амбре стоит, что хоть вообще не дыши.

Это вам не морская, свежая кислородная амброзия при бризе, которой можно дышать полной грудью и не надыхаться.

Тут мне вспомнился с чувством сожаления, раздольный морской переход из Барселоны в Геную, в морской порт на севере Пиреней. То бишь Италии, королевского союзника Испании. Да и сами итальянцы тоже присоединились к нам, хорошо пополнив совместную армию.

Под своим командованием итальянского графа Винсента.

А вчера еще между нами на вечернем бивуаке под бочковое винишко, когда языки развязались, говорили втихомолку: что вскоре присоединятся немцы—нордлинги. Имперский корпус генерала Бека, под началом которого находилось пять тысяч сабель—штыков с небольшим лишком.

Весьма грозная сила, усиленная германской дисциплинированностью и педантизмом. Да много чего еще говорили болтали.

Ау, где вражеские шпиёны лазутчики?

Трепались о том, что возможно повернем и на Францию.

Она сейчас, как никогда ослабла, со смертью старого короля, дележа власти и короны. Ведь что твориться в головах высоких военачальников невозможно предугадать. Сегодня одно на уме, завтра другое. Большая политика, одно слово. И что я тут забыл, спрашивается?! Без меня, то есть без нас, надеюсь, обошлись бы. Вот и немцы есть на это дело, повоевать.

Как работать на однообразной работе.

А всё упрямый Виландия, будь он неладен, как попугай затвердил тогда в жарком споре: «Долг и честь, честь и долг. Надо помочь современникам, негоже нам так просто исчезнуть из нынешнего бытия».

И пришлось выступать в поход вместе с ним.

Куда теперь его одного отпускать? Никак нельзя.

Время и так у нас на исходе, чтобы оставаться здесь, а тут ещё эта напасть.

С досадой, свалившейся на мою голову за все прегрешения, я стегнул бедную конягу, понуждая выпрыгнуть из общего строя когорты на обочину старого тракта, пуская слегка в бег поразмяться.

Нарушая все правила марша.

На то они и правила, чтобы их нарушать.

Да и мне не помешало бы тоже, а то спина затекла и всё остальное, сутками сидеть в седле.

Пыльный туман полудня, разрезался несколькими десятками ударов стремительно сверкавший сьявоной в руке.

Имитируя кавалерийский, сабельный бой в седле с предполагаемым противником. Вытянутая сьявона из ножен приторочена к седлу специально, на случай импровизированных конных атак, или разведок на собачьем бегу. Такой одноручный, удобный клинок—меч, подобный кавалерийскому палашу, но имея защитную гарду, в виде корзины, хорошо защищавшей кисть руки. Существует ещё меч сьявонеска – такое же оружие, только у неё хитрая гарда, в форме «S» сделана.

Чтобы зацепом выламывать клинок противника.

При себе также болталась на плечевой перевязи в ножнах, та самая памятная рапира. Как полагается по дворянскому этикету, всем порядочным испанским офицерам.

Только вот рапирой то, не больно нанесешь урон в бою многочисленной битвы. Здесь не романтическое кино аля «три мушкетера», где помахивая шпагой—прутиком и шляпой в перьях, гоняясь за какой-то юбкой.

Тут серьёзные дела творятся не на жизнь, а на смерть.

Поэтому выбор пал на сьявону. Мое любимое оружие, но дорогое зараза, сделанное на заказ у толедского оружейника.

Но оно этого стоило: сталь клинка пружинила, изгибаясь в разные стороны, но не ломалась, подобно образцу турецких сабель ятаганов.

В тоже время при ударе, оставаясь упруго твердой.

Соскочив с подпруги на земле в пешем порядке, произвел пару десятков атак и репостов. Стало полегче, на душе и в теле.

Да ещё сон тут накануне приснился чудной:

Снилась Анна, будто я давно женатый на ней, родился второй сын накануне, работаю на приличной работе.

В общем, проживаю жизнь обычного человека.

Да уж, чего только не померещиться беспокойной ночью под открытым небом. Хотя мог, разумеется, прожить именно так. Завести домашнего кота или кошку, воспитывать детишек, с женщиной по имени Анна, делить разлуки и радости от встреч быстрых, и так мимолетных.

И где «там» на земле, опять всегда весна.

Мечты, мечты. Ибо некому теперь оставить завещание о наследстве, и отписывать его потомкам и родственникам.

Конечно, по уму надо было так сделать в своё время, (именно в своём времени). Да, но так верная примета к смерти.

Я помахал челом (головой) отгоняя дурные предчувствия.

Что теперь делать, и мог я сделать:

Если Воины принадлежат к своему воинскому ордену предикторов, привязки эгрегеру, которые встраивают энергоинформационные или внешние импланты—«структуры», всегда диктующие свои условия.

Под их влияние неотвратимо попал граф Виландия, мой визави протееже.

Как они выглядят «там», можно выразиться приблизительно навскидку так, хотя всё индивидуально:

К живому телу человека пришили на гвоздях или шпильках аксельбанты погоны, к голове кокарды с различными гербами.

Или золотые (неважно какие) кресты, висящие сзади, или над головой, но это уже церковно христианские привязки.

Есть ещё масонские, да много чего.

Только вот поздно проводить обряд очищения чистки: всё как будет и произойдёт, так и случиться.

Хотя и ведь можно попытаться, но.

Как в байке: Приходит смертельно больной раком к шаману.

Заявляет ему, – не верю я в ваше шаманство! Хоть убей.

Шаман ему молвит, – да мне по хрену, веришь ты или нет.

Всё равно я тебя вылечу!

Мораль: верите или нет в шаманство, это всё равно как-то работает.

Как бы то ни было, неугомонные дни с ночами медленно шли, то бежали бегом, подгоняемые ветром – Ветром Времени. Так и этот пыльный денек подошел к завершению, угасая сполохом оранжевого заката под вечер.

Хотя оставались и на вечер неотложные дела. Проблем море и задач тоже, которые сваливаются на мою «большую и здоровую» голову с каждой минутой. Чем кормить своих воинов? Вот ещё задачка.

Тут картошки нет вдоволь, на всю солдатскую братву, её только по праздникам готовили.

Только обозники интенданты жировали, да жрали от пуза.

Приходится как-то изворачиваться.

Воду брали из случайного ручья, или горный снег топили.

Но сегодня повезло: ручей с чистой водой оказался возле лагеря.

А где бы гречихи надыбать, достать у обозников, для каши незадачливому ротному кулинару, а то ведь зашибут невзначай его с голодухи. Холстяной мешочек крупы, да с ложкой насыпав до ушков у старого каптенармуса, (прапора по нашему), я припёр его до разведенного костра с подвешенным казаном. Понятно, что не казан был тогда, просто немного упрощаю на словах. Один хрен, большая закопчённая кастрюля над огнём, как ни назовите. Лишь бы брюхо набить, да под дармовое винцо на походном привале. Ещё вопрос: картошку надо сварить на ужин с обедом, или вот пойманного беспризорного теленка обжарить на вертеле под горячую кашу?

Хотя лучший кусочек мясной вырезки доставался мне всегда, как начальнику, выражая душевное отношение, как к батяне комбату.

Может, как чувствовали испанцы, своего в доску воина от души. Не знаю. Начальнику не следует быть так накоротке со своими подчинёнными.

Это я так усвоил из той «жизни».

Полковой терции штандарт, весь стал грязным от всей оседавшей пыли. Приказал знамя ополоснуть в проточной воде найденного ручейка.

Ну а как иначе – для поднятия воинского духа.

Я то знал наперед из учебника школьной истории, что вся катавасия добром не кончится.

Только как теперь остановить запущенный маховик войны.

С трудом заглушая горькую вину, за все бесчинства причинённые, затеянной войной местным поселянам.

В свою очередь, я как мог, урезонивал полковых хлопцев словом и делом, махая скьявовой перед носом горе—мародёров, растаскивающих в разные стороны нажитое добро. Зарубив на горячем скаку, пару тел ослушавшихся горемык, которые насиловали молодых селянок.

Драконовские меры нужны всегда, никак иначе без них не обойтись.

Пример налицо, из моей родной истории, как воевал батька вольный Махно: типа тут можно грабить, а тут нельзя, ни в коем случае.

Вот жизнь пошла: души наши переломаны, перекручены навек вокруг, плавленной сталью.

Не поется здесь, и не дышится.

А где дышать? Такой запах, не приведи господь.

И господь видит всё это, так не покинь нас сейчас!

А что ещё делать остается? Только молится ему.

Тут хочешь не хочешь, а станешь агностиком.

ТЬфу, то есть наоборот законченным католиком.

Конечно, всё напускное, моя богобоязненность.

У меня и так всё хватало с избытком во что верить: Россия, «Зона», Индия.

Теперь вот Испания с королями (тут я выругался матом).

Ну как ещё снять раздражение: интрига на интриге, и плетутся со всех сторон. А тут хоть война.

Тут всё понятно, кто пред тобой стоит: враг, или кто приятель.

Тут легче, как посмотреть на людей. Или сволочь или человек.

Хотя как посмотреть, тоже не легче от этого, становится на душе.

В ночных беседах диспутах с Виландией, немало копий сломано словесных. Бередящих неустроенную душу—душонку разговорах: как всё так устроено в мире, что так приходится изворачиваться из всех сил, чтобы сохранить шаткое Равновесие.

В очередной раз не нарушить баланс сил между «серыми», «белыми», и «черными». Которые прибыли с другой галактики, вроде осуществляя пригляд за нами, неразумными «хомо сапиенс».

От него научился нескольким практикам, работать со временем.

Хотя как тут скажешь, что такое есть время Хроноса.

Еврей Эйнштейн унёс эту тайну в могилу с собой, высунув язык с портрета. Да оставив формулу «эм/си на квадрат чего-то там».

Есть еще безвременье. Это когда есть несколько вариантов.

Человек находится в коме долгого сна. Или в поиске творчества.

Или уже клиент Сабуровой дачи, хотя тут ради справедливости надо наречь её «Григорьевская дача».

По имени которого названа психбольница.

Там в итоге главврач—психиатр сам загремел в свое узилище под конец дней. То ли болезнь Бехтерева, то ли Альцгеймера нашлась скоротечно прогрессирующая. Ирония реальной судьбы, оказаться потом на одной кушетке с психом-наполеоном. Да уж, незавидная участь. Перед смертью не надышишься вдоволь, и не напишешься никогда, что есть на душе.

И снова тот сон еще привиделся недавно, где я один на одинокой планете.

Может это было давно, миллион лет задолго до всего зарождения всех цивилизаций. До динозавров и библейских потопов. Такое вот знание, которое некому оставить. Да всё равно, кому это нужно, кроме самого себя. Знание, оно ведь как, или какое: передаётся от души в душу.

И никак иначе. Если такого нет, тогда мы просто расходимся и идем гулять в разные стороны, как ни прозаично говорят слова.

Быстро отужинав, я в романтическом настроении осматривался с пригорка, каменного придатка горы, где Суворов прошел через сто лет потопной лавиной российской армии. Может ему послание оставить?

И у дороги ковыли, стоят прямо как в России.

Закричали журавли, в небе стаями.

Да нет, не журавли однако, обознался малость, скучая по матушке родине.

Большие птицы какие-то альпийские, может и чёрные грифы, летели в высоте, карканьем предвещая скорую ветряную бурю с грозой.

Встать бы мне, да полететь всю ширь своих расправленных крыльев.

Эх, жаль во мне Пушкин умер, не могу выразить эмоции в рифмах.

Кстати о Пушкине пару слов. Так кто же, он был такой на самом деле.

Или в России поэт больше чем поэт бумагомаратель стихотворный.

Камер—юнкер или камергер «его величество двора».

Какая разница? Как официально в истории записано: «Пушкину пожалован чин камер—юнкера», то есть статского советника.

Что тоже немало, по тем временам. Но это ничего не стоит, мелочь в жизни, как утверждали советские историки.

Ага, только как простой поэт может работать в МИДе, и позволено копаться в секретных архивах, что не успели сжечь немцы—бироны.

Чин камергера, поэта Пушкина, к примеру, фигурирует в судебном деле: Пушкин/Дантес/Данзас/

Ах, Вы не знаете кто такой «Данзас»? Данзас друг и собутыльник французского происхождения, во всех попойках.

Потом он оказался невзначай секундантом на дуэли.

Темная история, может и подставной надуманный предлог зрел для дуэли, и с его помощью вышел. Так вот. Что это? Описка или как?

Камергер царского двора, по тем временам, соответствует современному чину сенатора при Администрации Президента. Вот смотрите сами. Пушкин, как сегодняшние звезды шоу—бизнеса, обласкан царской властью до нельзя. «Хочешь делать это? Да делай „пжлста“, только не шуми, дорогой графоман, писец дворовый наш».

Перед смертью Пушкин, лично обменивался записками с царем.

Что и как там было, доподлинно неизвестно, и телефонов не было в то время. Поэтому Жуковский, двое суток весь в мыле и в поту скакал во весь опор, чтобы доставить умирающему Пушкину (он умирал двое суток) письменные сообщения от царя, и обратно ответные записи.

В них Пушкин просил простить все светские и мирские прегрешения, и позаботиться о своих четверых детях:

«Милостонию своей государской, причисляю сынов, также дочерей Пушкина, ко своим царственным вельможам».

Старшая дочь Пушкина, Мария Александровна, в молодости стала фрейлиной Императрицы. А в царские фрейлины брали только девиц из знатных, дворянских фамилий.

Да и другие дети, очень неплохо устроились в жизни.

Эх, История, да что же ты наделала!

И только снег с землей, по гробу громыхнёт...

Зачесался нос, видно к не добру, в который раз.

Как назло заметил, что прискакал к моему штабу, так сказать, где кучковался офицерский состав, взмыленный нарочный от наших испанских «енералов—графьёв». Пришлось спуститься к офицерам, да читать с помощью подросшего Виландии, центральное указание высокой ставки, при свете поднесенного факела.

Ознакомленный приказ гласил: ночью разведать впереди дорожку для войска, как и что там ожидается в будущем.

Вот что—что, а про будущее, я уверен на все сто процентов, что оно будет хреновое, у всех нас.

Хотя есть возможность отличиться снова, как тогда случилось на море, при abordage (куда же без меня), и глотнуть досыта свежего воздуха.

Но на первом месте, конечно, разведка, остальное потом.

Не зря нос чесался, ладно успел поесть стоя, не особо присаживаясь за офицерский «стол». Одному и вдвоём—троём соваться в разведку не резон, надо бы отобрать с пяток не совсем смекалистых ребятишек.

Тех, которых не жаль оставить в пасти льва, образно говоря, в случае чего. Такие есть всегда в полку. Родина ждёт героев, а... ну вы поняли.

Так, с этим порешим немного позднее, сейчас подумаем над подготовкой к заданию. По привычке, терцию я называю по своей аналогии с современным полком. По сути, что есть терция?

Её численность колеблется от двух, до пяти тысяч человек.

Разделенных на роты, разного предназначения. Есть роты кавалерии, пикинёров, стрелков аркебузирова, смешанные роты. В роте от ста, и доходило до двести—триста человек. При разных военных действиях.

Всё было неодинаково по уставному стандарту. Также каждая терция наименовывалась по округам, где они формировались: Кастильская, Арагонская, Сардинская, Каталонская и другие.

Или по имени своего командира.

Есть ещё немало всяких тонкостей по тактике, стратегии терции.

Как упомянул, терция разделялась на отдельные роты.

В каждой роте есть небольшой штаб из одиннадцати человек: капитан и его помощник заместитель, младший офицер, сержант, отдельный знаменосец, также три музыканта (трубивших то наступление, то отбой по надобности), фуражир—повар, воинский падре капеллан для отпевания павших и служения мессы, и даже один брадобрей.

Ну чтобы бойцы не сильно обрастали бородами и щетинами.

Рота подразделялась на взводы под руководством опытных ветеранов.

Взвод подразделялся на отделения тоже под руководством ветерана воина.

Так как, я по найденным бумагам числился в чине капитана, мне в начале похода в подчинение дали роту гвардейцев, где сплошь почти одни ветераны. Как сейчас бы сказали, элитная рота. Хотели, конечно всучить и больше рот или ртов, но я отказался наотрез. Лишняя головная боль, и ничего хорошего. Я не карьерист какойнибудь гнаться за чинами.

Вдруг что случится, потом разжалование.

Да и временно всё, нахождение в этом времени.

А граф Виландия командовал соседней ротой, в нашей терции, так что мы находились почти всегда рядом.

Стемнело, да так что хоть глаз выколи, если отойдешь от огня кострищ.

Световой день короток весной. Задумавшись, обо всём сразу что нахлынуло, ноги сами понесли к стоянке лошадей, там и оказался возле своего коня. Погладил по умной морде, по хозяйски потрепал холку, на ощупь пробежал рукой по конской сбруе, проверяя её перед вылазкой.

Подтянул где нужно подпругу и супонь, подправил посадку седла.

Потом дал фуража, пожевать верному товарищу для настроения, чтобы не скучал на привязи.

Сделав обыденные дела, подошел к одному из десятка солдатских костров, моих подобранных после ужина ветеранов вперемишку с молодыми и неопытными, салабонами по-русски говоря. Солдаты, признав меня, вразнобой загалдели, добродушно приглашая к огню:

— Сеньор капитан, садитесь к нам, возле огонька.

— Здорово, сеньоры гвардейцы! Осталось чем горло промочить?

— Оно, конечно есть, можно найти баклажку винца, ежели не брезгуете дешевым пойлом, — прогудел хрипатый мужик, видать из старых служак олдскульной школы.

— Ничего, нам в самый раз будет.

Вот так, в ответ немногословно приветствуя и общаясь, совсем не чураясь, присел рядом с ними, и незаметно присмотрелся к резким очертаниям грубых солдатских лиц, подрагивающих при натуральном свете горевшего огня. Ночных лиц оказалось много, больше десяти.

Да ещё накладывалась иллюзия ночи, когда предметы двоятся в нечётком свете. Изображения лиц, они ведь как при отблесках костра преображаются: есть и похожие друг на друга, есть и непохожие.

Но у каждого лица своя непохожая особенная судьба, как ни крути словами. Со своей линией жизни, страстями, пороками, да и всем остальным, что делает нас людьми, а не киборгами из плоти.

Как ни крути, а надо выбрать кого-то из них, всё-таки надо.

Почему-то снова накатило чувство близкой опасности в разведке.

Хотя вроде обычное дело: выдвинутся вперёд на десяток лье, исследовать местность и можно возвращаться назад в лагерь.

Тут бывалый воин поднес мягкую флягу с вином, сделанную из дублёной кожи, вместимости литра на три.

В знак благодарности кивнул головой ему.

Машинально потряс её, судя по бульканью, там ещё почти оставалась почти больше половины жидкости. Ладно, нам хватит, не напиваться же перед делом. Так, для разговора, сделать пару глотков.

Интересная фляга, отметил про себя, нержавеющей ещё не придумали делать: полость кожаная с оттиснутыми узорами, обмётанная по краям тесьмой для привязки к седлу.

Горлышко твердое, видно сделано из древесины, закрытое фигурной деревянной пробкой на веревке, чтобы пробку было удобнее вытаскивать, и не потерялась вдруг она.

«Умели же делать!» – подивился старинному предмету.

Что ж, отведаем солдатского питья. С этой мыслью выдернул притертую пробку. Подняв баклагу кверху, приложился, жадно глотая напиток. Вино отдавало кислотой, почти забродившие на дневной жаре, но все-таки крепкое и доброе. Пить можно, для приличия не морща рожу. Приходилось и хуже пить пойло.

Не закрывая горлышко, передал флягу близ сидящему бойцу, дабы пустить её по кругу, по-братски.

Потом прислушался к незаmysловатой болтовне мужиков, представляя что они сидят на деревенской завалинке, разговаривая о том, о сём.

Хмель вина понемногу стал кружить голову.

Фляжка, обошедшая кружок солдат, вернулась обратно, с остатками хмеля. Если немного промотать назад, то получится – То и получится.

Туман воспоминаний, стал явью, приходившей в кошмарных снах.

В этих видениях, она снова присниться мне, и там девочка просит не дергать за красный проводок, тоненьким голоском погубленного детства.

Если бы девочка знала, что значит – сойти с ума, она бы, наверное, испугалась. Или не испугалась...

***

Отряд «воронов» перебросили из Ханкалы (наша ключевая база после второй чеченской) в Москву, на грузовом самолете ИЛ—76.

Сказали, так надо. Москва, район «Дубровки, Мельникова, 7».

Мы же не знали, что так там серьезно.

Группа Бараева объявила теракт на всю Россию.

Нам никто ни сказал, что там будут дети, женщины, и театральное представление. «Вороны» просто одели выданный спецкомплект антирадиационной защиты, с полным «фаршем».

Я ещё с таким настроением пришел – никто из Наших не умрет, то есть россиян. Переговоры ни к чему не привели.

Начался штурм. Нам приказали, мы делали:

Есть приказ – мы исполняли. Штурм начался.

Штурм так штурм, нам не в привычку, отряд «воронов» и не такие задачи делал. Тогда я верил в страну РФ.

Да и тогда тоже верил с Чечнёй, что мы на стороне правды.

Как вспомню, так не поверю: что так на самом деле было.

Операцию «дубровка» кто-то считает провальной, из-за количества жертв.

Не знаю. Так получилось. Как происходил штурм, как описать на словах.

Работа такая у нас. В руках «Вал», в подсымке гранаты всякие.

Просто идешь и всё. Как бы крадёшься. Зашли в театр. А там уже все сонные лежат. Предварительно туда запустили газ какой-то усыпляющий из спецмашин. Никак ни разберешь, кто лежит потеряв сознание: то ли «гр» то ли «чеки».

– Тридцатый. Что видишь? – голос раздается в запотевшем гермошлеме.

– — Да ни хрена не видеть.

– Всё чисто.

– Иду на второй этаж, – отзываюсь отрывками.

Тридцатый это я. Такой позывной дали при сработке, со спецназом «альфы». Другие бойцы пошли по другому ярусу театра.

А я вот по этому этажу, двигаюсь на «галерку».

Натыкаясь на бездыханное тельце девочки в кофте оранжевой.

Сообщаю:

– Здесь вроде «двухсотый» лежит.

– Осмотри, тридцатый.

– Как скажешь, Первый.

– Есть осмотр. Приступаю...

БА! Вот так сюрприз предновогодний! (дело было в октябре)

Если по-простому говорить, то на теле девочки под кофтой, находился «пояс шахида» с разноцветными проводками, спрятанными вглубь паркетного пола. Тик—так, тик—так.

Гулко в мозгах и тихо изнутри, отсчитывал время цифровой секундомер, запущенный злой рукой террора, стремясь к полноценному нулю, то есть когда все циферки установятся на отметке 0,000.

Время моей жизни. И всех людей, которые «там».

– Первый! Здесь бомба и она тикает.

– Ты охуел! Тридцатый, думай! Думай твоёж ты мать...

Мат ещё раздавался в динамиках шлема.

Только я заходя уже начал думать над сложившимся положением дел.

Девочку можно спасти, ещё тихо стучал пульс – это плюс.

Разминировать сейчас на месте – это минус.

Просто БЛ.. ситуация.

Рука сама собой потянулась за наспинными бокорезами, специально приготовленными для таких случаев.

Теперь выбор: красный или синий, синий или красный.

Синий! Так синий. Есть. Я откусил клещами синий проводок на разрыв цепи, что приводило к деактивации взрыва.

Это уже мне потом объяснили спецы взрывотехники из «конторы»

Девочка умерла из-за... Из-за меня. Пока я там возился с бомбой.

Её можно было спасти, вынести на свежий воздух, да и медпомощи стояло немеряно вокруг. Дальше я не помню, что творилось.

Было одно желание, выпустить весь рожок из «вала» прямо в рожи жирных радующихся чиновников, дающих интервью в телекамеры.

Или в самого себя. Последствие газа, такое неадекватное поведение.

Отстегнув ненужный гермошлем, отбросил его в сторону, оставаясь в натянутой полумаске-невидимке.

Палец потянулся к курку автомата. Тут как будто оса укусила в затылок.

Дальше не помню. Усыпили.

Да, наверное всех, кто непосредственно участвовал в операции «дубровка»

Я не спрашивал, не положено. А если. Страшно подумать «что если».

Груз ответственности, довольно тяжёл для психики человека, с двух сторон. После этого, ну нахрен, я подал окончательный рапорт на увольнение «по собственному». Пускай другие герои спасают Мир.

Смешно об этом говорить, но испанцы даже не догадываются об этих событиях моего времени.

– Эй, эй, капитан, вы что уснули? – ненавязчиво кто-то потрепал по плечу, отряхивая от прошлого.

В моих крепко держащих руках, находилась фляга всё это время.

Автоматически выпил глоток остатков вина, возвращаясь к положению здесь/и/сейчас. Передал пустую флягу бывалому.

Ответы на вопросы сами пришли ко мне из воспоминаний.

Смысла нет сейчас выступать: темнота как у негра, в том самом заповедном месте. До этого, как получил приказ, я с Виландией перекинулся своими мыслями, как лучше исполнить его.

Неприятельские части могли вполне, где-нибудь находиться рядом с нами.

И он мне посоветовал пойти на вылазку, чуть позднее, ближе к туманному утру. Идея показалось мне здоровой, я с согласился с ней. Почему нет: отдых небольшой не помешает, может луна выйдет перед рассветом.

Всё будет посветлее. Мы же не кошки видеть в темноте, а фонарей тактических нет. Да я и не бог выбирать: кто должен умереть сейчас, кому жить долгие лета. Пусть само Провидение решает за меня.

Как вариант течения событий, предложу бойцам пойти в разведку добровольно. Всё просто: есть меч (автомат), есть рука держащая его, есть друзья сотоварищи за плечом, которые не предадут в трудную минуту. Всё, как обычно на войне. Вернемся. Когданибудь, да вернемся, с войны.

Встав во весь рост, провозгласил здравицу за короля, или как там делали сталинские замполиты, поднимая людей из окопов, на верную смерть:

– Ну что, сеньоры гвардейцы, настало время отличиться...

Запершило вдруг, закашлялось, и в горле костью застряло продолжение речи: «Во имя короля».

Да блин какого короля, если им надо свою жизнь отдать, из за какой-то королевской дури!

Тут подоспел бывалый, с новой баклагой, полной крепкого вина:

– Извольте промочить горло, ежели пересохло так у сеньора.

С достоинством, но что мне это стоило внутри, пришлось глотнуть открытого вина из фляги.

Тут я опьянел немного, то бишь конкретно. Оставалось только обняться и петь «ой мороз, мороз», что делать совсем не рекомендуется в негласных законах городского офиса. Но так

как я пребывал вне офиса, мне было абсолютно наплевать на этот офис, и забить полный болт, на его выдуманные офисные правила.

– Ах, об чем это я речь вел? Нужны добровольцы пойти со мной в разведку, – одним словом выпалил, что есть на душе. За костром, одобрительно загудели нестройным хором,

– Да капитан, иду! Я пойду тоже! Возьмите меня!

Желающих оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Да все, кто сидел за нашим костром. И снова как выбрать, кто из них достоин смерти. Помогла тупая игра в длинную и короткую спичку, то есть в соломинку, за неимением спичек. В итоге, я кое—как отобрал бойцов пригодных для разведки. Ну а пока, можно снова с Виландией побеседовать, сразиться в словесном турнире. Не нарушать же нашу традицию перед сном.

Ах да, пока есть время можно и поведать вам, как я повстречался с Виландией, со многими другими злоключениями. Наверно, самый час сделать отступление чуть назад в прошлое.

Нелегкий путь проделал до сего дня, неминуемой смерти вопреки.

Смерти Вопреки

* * *

Я выехал из поместья будничным утром, едва восход солнца робко позолотил верхушки крючковатых деревьев, домов и крыш низеньких строений. Собранные вещи во выючной сумке коня накануне, неслышным голосом весь вечер звали в дорогу, предвещая множество будущих приключений.

Ни с кем не прощаясь, покинул дом ставшим приютом, даже не оставляя прощальной записки, взяв с собой только самое необходимое, для предположительно короткого путешествия, выбирая направление на юг.

Оружие неотлучно висело при себе, деньги—золотишко в монетах лежали, немного позвякивая в припрятанном кошельке, на вынужденные дорожные траты. Как вы помните: я направлялся по делам поиска цели в Толедо.

Выглядели тогда мои действия и хождения, немного странным образом: поскакал сюда, сходил туда, сделал то и то.

Подобно игровому квесту, только реальней во много раз.

Хотя действия столь необходимы для будущего существования в этом мире. Свиделся с мнимыми родственниками, плюс прошла неделя учебы фехтованию стиля «дестреза», ну и узнавание всего остального: языка, обычаев, политической обстановке, истории королевства.

Но теперь держал путь строго на юг, не отвлекаясь на всякие мелочи.

И только потом, часа через два, предстояло поворачивать коня на запад, придерживаясь гражданского тракта. Некоторую опасность представляли шальные разбойники, вольно расплодившиеся в лесах во время военного лихолетья. Тут и там шныряли банды из оставшихся без постоянной работы наёмников—кондотьеров, нападающих на торговые обозы. «Бандито, бандельеро» – говоря по-испански. Здешние джентльмены охотники за удачей, птицей цвета ультрамарин. Придуманная птица удачи водится лишь в небе высоком, оттуда и цвет такой поднебесный.

Судя по рассказам небылицам местных крестьян.

Но не будем отвлекаться на неё.

Прощаться с домочадцами не стал, да и не люблю затяжных прощаний, и так на душе остался легкий осадок грусти, когда покинул гостеприимный дом. Не спеша понукая конягу, сначала выехал из полусонной деревни.

Потом ускоряя бег, постепенно набирал разгон, и пустил в конце деревни, расходившего коня во весь опор.

В дороге думалось о многом, между походными делами.

Полуденным днём, дабы немного спрямить извилистую дорогу, которая уходила явно в боковую сторону, выделявая большой крюк, решил свернуть в поля и овражки. Так и двигался с отдыхом до вечера, корректируя направление по солнцу. Но с наступившим закатом, солнце зашло за горизонт, оставив меня одного в безлюдном лесу на опушке.

Тут дошло, что малость заблудился. Компаса, часов, и подробной карты местности с собой не было.

По часам можно тоже ориентироваться по солнцу на местности.

Точность этого метода невелика, но всё же лучше, чем просто ориентироваться, глядя на солнце.

Имелся только старый набросок, на пергаменте рисованный от руки, взятый в путь у Педро. Похожий на карту, обозначая приблизительно направление главных дорог и местечки больших селений.

С несколькими уточнениями, сделанными чернилами, со слов того же незабвенного Педро.

Да уж, почти на ощупь, приходилось путешествовать. Но ничего, был бы язык, так и дорогу можно спросить, у когонибудь кто попадется в дороге. Земля ведь круглая, как типа шарик. Так нам говорят яйцеголовые.

То есть ученые. Судя по ихней теории, куда-нибудь да выйдешь в конце пути. Вот ведь люди—человеки, и всему ведь верят: «Во, деревня! Он же памятник! Кто ж его посадит?!»

Если Земля круглая, это легко проверяется опытным путем.

Берется промышленный лазер, и над стоячей водой замеряется погрешности кривизны планеты, если они есть, конечно. Хотя такой опыт давным—давно проведен доктором Самуэлем Роуботам.

Да я и сам лично убедился. Как-то с одним товарищем стояли на берегах разных островов, просто на земле без всяких возвышений, между нами 29 километров, а в телескоп видим друг друга. Прямо фантастика.

Но по теории круглой Земли, такого не может быть, из-за градусов кривизны поверхности.

Как говаривал мыслитель Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю».

Что тогда судить и думать об обычных людях, об их научных суждениях.

Говоривших, что они знают абсолютную правду, какая Земля.

Но получается, что они на самом деле знают только 0,01% от истины.

Ну да бог с ней, с Землей. Да будь она хоть параллелепипед, есть у меня насущные дела поважнее эмпирических споров. Теперь получается, на дорогу не вышел в итоге. Когда скакал, никаких деревень не оказывалось поблизости. И нет не одного огонька, не видать в какомнибудь захудалом сарайчике.

Что ж, будем ночевать одни в лесу под открытым небом.

Благо на дворе стоит не зима, да дождя не намечается, на месте определяя погоду по ясному небу. Но на случай дождя пришлось бы рубить шалаш.

Хотя почему ночевать одни? Вокруг пролетали с ветки на ветку разные птички, скакали разные зверушки от зайцев и бурундучков до летяг белок. Ночная жизнь в лесу кипела кишмя с горкой.

Не обращая особого внимания на это безобразие, спрыгнул с коня, занялся обустройством вынужденной стоянки.

Лошадь просто в стойло временное, на привязь к дереву.

Не отходя далеко в темноте от случайной стоянки, поднатаскал сухих дровишек. Нарубил веток подручной навахой, под спальное ложе, чтобы от земли не тянуло земляным холодом.

Выкопал вроде прямка под небольшой костерок, потом разведенный с помощью комплекта огнива.

Камня кремния и кресало, выкованного у местного кузнеца в поместье. Спичек и зажигалок еще не придумали.

Пужинал куриной ножкой, подогретой на добытом огне с краюхой хлеба. Вот и весь походный ужин.

Подкинул ещё топливо в костер в ямке, накрылся кожаным плащом, специально приспособленный как современная плащ—палатка, для вот таких ночевков. Тепло от костра и от плаща быстро усыпили меня, слыша сквозь дрему разные звуки леса: усталое фырканье коня спавшего стоя, шорохи листьев под лапками мышек, уханье совы.

А ночью неожиданно проснулся от странной, желтой вспышки в многострадальном небе.

Вокруг осветилось как ясным днем, или от долгого разряда мощной молнии. Густой воздух заколыхался, затрясся с толчками земли. Но приближающийся грозы поблизости не наблюдалось.

Что творилось спросонья, стало пока непонятным на продолжительное время. Вроде ракет атомных и лазеров ещё не изобрели.

Долго не мог найти внятного объяснения этому событию

Потом как длинно объяснял знающий Виландия: для нынешнего Времени происходили большие перемены.

Всякая власть держится на магии, и будет пытаться её монополизировать. Точно так же, как и любое другое знание, потока энергоинформации: в науке, истории, искусстве, моде, архитектуре.

Любой метод влияния на сознание масс, является магическим инструментом контроля народов. Примеры вы и сами знаете: египтяне, инки, ацтеки, эллины, вплоть до сих дней.

Верховные жрецы серого Круга вместе с адептами церковей проводили коллективный ритуал техномагии, над древним артефактом Ковчегом Гавриила. В противовес этому светлые силы архитекторов, защищаясь от влияния магии «серых», начали чистку планеты.

Тут я переспросил Виландию, не понимая его оговорку: «Может, ковчег Завета?»

Граф отмахнулся и продолжил далее, но потом кое-что поведал об истории артефакта: «По преданиям, архангел Гавриил принёс на Землю, и упокоил артефакт в виде ларца невиданной мощной силы, вначале в пещере Хира. Потом Мохаммед перенёс его под основание храмового склепа Большой Мечети, построенной в Мекке. Архангел оставил строгий наказ в виде «Наставлений», пророку Мохаммеду.

Откуда следует, что Ковчег не должен извлекаться наружу, ни в коем случае, до приближения конца света, то есть Армагеддона.

Только использовать как запасной вариант, спасения человечества в грядущей битве Светлых и Темных.

Но верховный «Круг» решил пренебречь запретом, тайно собравшись в склепе, попытавшись воздействовать на артефакт в свою пользу.

Хранители Ковчега не допустили этого, аннигилировали, то есть сожгли на атомы всех иерофантов (верховных жрецов), кто там находился, во время проведения техногенного ритуала.

Выстрелило небесное оружие, неуправляемыми пучками плазмы.

Поэтому и произошел выплеск колоссальной магии, отголоском докатившись до Испании».

Кроме долгожданной активации множественных маленьких «кристаллов» в местах силы и людях, также активировался новый мощный кристалл над Россией, трансформатор и ионизатор.

Появился новый проводник солнечной энергии, в общий геокристалл Земли. Наконец, произошла синхронизация многомерных пространств в Азии и Южной Америке: Сиам и Патагонии.

В некоторых местах произошло отключение ненужных порталов, которые отворили верховные иерархии, черные маги инквизиции и королевства. Порталы были не столько закрыты, сколько временно деактивированы.

По всей планете была проведена чистка от «серого тумана», обволакивающий её плёнкой, принуждающий людей к бессмысленному насилию. Завершилось расслоение, то есть закрытие проходов, в других случаях – слияние временных мерностей.

Пришедший образ к графу представлялся наглядно: стопка листов сплющивается и становится намного тоньше, от нескольких десятков остается пара—тройка штук. Были выведены обратно в свои коллективные сознания, многие застрявшие тут души умерших людей.

В дополнение проведена гармонизация пространства и чистка нисходящими потоками, присущими этому периоду лихого времени. Активировались духи природы, особенно погоды: ветров, воды.

Проснулись стихии, элементали и хранители местности, в основном драконы и фениксы, находившиеся доселе в спячке, либо не имевшие доступа к полноценной «работе».

Да многие вещи, совершенно непонятные мне.

Я уж не стал спрашивать, откуда он знает об этом всём.

Хотя знающий, на то и есть Знающий.

Только вот в отрывочном сне, после загадочной вспышки, запомнилось мне, как пришел леший. Так он причудился в моём русском понятие представителя природных духов. Может это и был, тот самый испанский феникс. Сначала он подкатил с угрозами, типа я нахожусь на его земле без спроса, да костер зажгёт из личного леса.

Потом как я с ним побеседовал по душам, вроде расстались с миром.

Восставший из ночи восход, пробудил из чуткой дрёмы, отгоняя ночное наваждение. Хотя было ли это только наваждением? Да и неважно.

Пора снова продолжать путь, по полям и долям, не выходя на большую дорогу. Да чего мне бояться, если сам черт не брат, а с фениксом на короткой ноге общаюсь.

Что я и сделал. Затоптал, окончательно, едва тлеющие угли с ночи.

Отвязал коня, мою одну двигательную лошадиную силу.

Подрагивая от утренней свежести, смотал плащ во выючные сумки, вскарабкался в седло, и погнал дальше, протирая на чуть быстром скаку слипшиеся глаза от сна.

Ещё подсчитывая в уме, сколько проделал расстояния, в первый день перехода. От старого поместья до ворот самого Толедо было где-то 250—300 километров. Двигались мы, то есть с конём, с небольшой скоростью примерно 10—15 км. в час. Всего часов двенадцать, с перекурами отдыхами. По несложным подсчетам выходить, чуть меньше ста км проскакали. Переводя на лье, (лье равен 4500 метров) то получим 22 лье с половиной. Если бы постоянно двигался по ровной дороге, да без продолжительного отдыха, то можно сделать и 150 км за день. Значит доберемся дня за три точно. Если не за два, выпрямляя извилистую дорогу, да если обойтись без приключений. Всё просто, тут не надо быть математиком с высшим образованием.

Всё «если», да «как бы»: планировать будущее – дело неблагодарное.

Поёживаясь на ветру от утреннего обдувающего холодка, надвинул поглубже на лоб шляпу. Её все мужики тогда носили по здешней моде. Эх, сейчас бы горячего кофе стаканчик, а на обед горячий бульончик с лапшой. Мечты, мечты. Видно здорово я замерз ночью, да проголодался. Хотя что значит еда—питание для человека?

Если на пальцах объяснять, такой пример из жизни.

Допустим, машину плохим бензином заправить – то движок забарахлит и сломается.

Нормальное топливо залить в бак – то отлично заведётся и поедет в путь.

По начальному сотворению свыше, наше тело как машина, в большей степени, бензином—топливом считает энергию получаемую «сверху», а не еду, и всякую вкусную жратву. Питание это так, для проформы – масло смазочное для двигателя. Будет плохое масло, всё вообще разрушиться.

Но нормальной пищи мало в современном мире, да и психосоматика, недавно привитая человечеству, кривая.

Вот кто приучил людей, каждый день есть по 3—4 раза в день, да ещё с перекусами? По замыслу Творца, ранний человек был создан без лимфосистемы.

Но потом в связи с некой перестройкой Мира, человеку было искусственно «вшито» на генетическом уровне внутренний паразитарный имплант. В виде этой самой, лимфатической системы.

Читаем сказания из библии, как там сказано между строчек: Адам с Евой, первые люди, жили в раю Эдема, питались только нектаром амброзии, но потом они сорвали яблоко, открыли ящик Пандоры.

Бог разгневался и изгнал первых людей на Землю.

«И в поте лица твоего, будешь добывать хлеб насущный, доколе не вернешься в землю, из который ты взят. Ибо прах ты, и в прах возвратишься».

И прочее, и прочие события. То есть, если перевести на понятный язык, первые люди на планете, были немного другие, отличные от нас нынешних. Поэтому ещё прямые потомки Адама, жили куда больше нас на свете. Святой праотец Мафусаил, от которого пошла ветвь евреев, прожил 969 лет.

Сын его Ламех, жил ровно 777 лет.

Отец Мафусаила, Енох копил свет 345 лет, пока его живым не забрали боги «наверх».

Внук Мафусаила, библейский Ной дожил до 950 годов.

Индийский мудрец Агастьяр, также прожил немало столетий, совершая немыслимые подвиги, наравне с богами.

Почти тысячелетие жили тогда пра-пра-пра-прадеды, если короче прашуры, на Земле. Потом всё изменилось.

Да не экология виновата в долгожительстве, как считают «британские» ученые. Все наши калории из еды, уходят только на поддержание в тонусе внедрённой лимфосистемы.

Так что все логично сделано «присматривающими» за нами.

Как правильно, однако, говорят фитоняшки: нервный стресс – это первый признак старения.

Кроме этого надо еще правильно дух тела содержать.

Поэтому, при здоровом питании, не у всех тело чинится начинает, от болезней связанных с излишним весом и перееданием. Такие дела.

Тоже Виландия просветил немного об этом. Но всё потом.

Так мы скакали до полудня в моих мечтах о еде, по полям лужаек.

То перебираясь через ручейки с неглубокими речками вброд, с плёсками воды брызгающих из под копыт.

Как я угадывал брод? Так вода была там чистой, почище слезы девственницы.

Всё как шло как обычно в пути, и всё было ничего и тут произошло...

Конь скакнул по склону покатога пригорка берега речки, выбираясь наверх, я почувствовал что почему-то проваливаюсь в пустоту: седло исчезло, натянутые поводья обмякли, превратившись в какие-то верёвочки из теста. Напоследок успевая заметить, что и сама окружающая обстановка Мира: лес, трава, небо, сам воздух – в мгновение ока зашевелилась, поплыла мерцающей рябью, превращая реальность в плохую картинку монитора испорченного телевизора.

Тут я погрузился в мёртвую тьму безвременья.

Почти с небольшой задержкой, выныривая на поверхность ощущений ирреальности происходящего.

Материализуясь в пространстве знакомого помещения, до оскомины в зубах. Конечно, я узнал это место, известное мне с раннего детства.

Моя детская комната в квартире, где рос при родителях.

Недоумеая, я пытался осмыслить происходящее действо.

«Почему так случилось? Что произошло, в конце концов?» – в мозгу звучала одна мысль. Вдруг послышались громкие голоса извне, коробки стен комнаты, обклеенной старыми обоями. Я узнал их, с трудом внимая им. Голоса знакомые по прошлым жизням, звучащим из Чернобыльской Зоны. (отсылка к событиям, описанных в начале «Испания. Кровь и вино»)

Примерно в ситуации как пациент в наркозе, при роковой операции, когда нечто называемое душой, выходит из тела и отстраненно наблюдает за врачами сверху. Врачи судорожно мечутся, чтобы спасти жизнь больного, бросая отрывистые реплики между собой, что и как предпринять.

Почти такое же и у меня состояние.

Один озабоченный голос Креста, другой взволнованный Хозяина:

– Включай! Быстро включай ручную системную перезагрузку, и после немедленно авторизируйся! Иначе он «там» останется навсегда и умрет!

– Как он там? Сколько у него осталось времени, чтобы выбраться «назад»?

Я понял что «Он» это я, и речь идет обо мне. Спрашивающий голос был Креста.

– Шансов мало, долго не протянет. «Там» где он оказался – нет жизни. Нет кислорода, только вакуум. Кислород для дыхания, что остался только в нём самом. Есть только минута, максимум две, – Хозяин.

Вот черт! Тут я сам неожиданно ощутил, что с каждой секундой моего времени становится тяжело дышать, как при острой нехватки воздуха. Я мог ходить по герметичной комнате, передвигаться, трогать вещи, но за пределы выйти не мог. Предчувствуя что за стенами, окнами – нет «ничего». С ужасом заметался по комнате, лихорадочно ища какой-то выход, задерживая дыхание жизни, экономя кислород.

Выхода не было, все оказалось стойко—непроницаемым для «извне».

«Замуровали, демоны!» – вспомнилась шутка из фильма не к месту.

Потом успокоился, больше не дёргаясь по сторонам, смиряясь с неизбежностью конечной своего бытия.

«Надо бы найти бумагу с карандашом, написать посмертную записку что ли!» – пробежала спокойная мысль, да что толку, кто её станет читать.

И снова голоса, сверху меня или сбоку: непонятно.

– Как он «туда» попал? – спросил Крест.

– Энергия вырубилась полностью, при взрыве дверей бункера. Системный сервер отключился. С некоторой задержкой включился резервный генератор. Но загруженная программа компьютера «перемещателя» без авторизации пользователя, дала сбой, автоматически вынесла его в никуда. Произошёл самопроизвольный «выброс».

То есть, само его подсознание рефлекторно дало такую команду: переместиться в безопасное место. Он и выбрал такое место, место матрицы, – обеспокоенно объяснял Хозяин.

Хм, я и не подозревал, что у Хозяина присутствуют какие-то человеческие эмоции, присущие людям.

– Как остальные?

– Остальные в порядке, пока, – выделил голос, слово «пока»

– Он сможет выбраться из своей матрицы? – спросил Крест

– Не знаю, всё решит его подсознание. Выбор всегда есть.

– А он нас слышит? Надо сказать ему что стряслось! – Крест.

– Может быть, попробуй, – Хозяин.

– Джон, Джоник, ты нас слышишь?!

«Да слышу, слышу!» – автоматически, как будто они меня видят, утвердительно качнул головой, слыша издали родной голос Креста:

– Тут такое дело. Ты только держись там, Джони. Спецназ силовиков «Зоны» приступил к штурму бункера лаборатории X-16. Буду пытаться задержать их на входе, насколько это будет возможно. Ты поторопись там с миссией. Всё, я ухожу. Прощай друг...

С горечью стукнул кулаком об замкнутую навек стену, не чувствуя боли, узнав неутешительное положение из услышанной информации.

Снова теряю настоящего друга, а я тут сижу в клетке, бессильный чем-то помочь им. Дела, так дела, там в моём времени, разыгрались не на шутку.

Наступало удушье, жёстко перехватывая горло, как при медленном задышании стянувшей шею удавочной петлёй. Поздновато мужаться, самому надо готовиться к смерти. Скучно и обыденно так помирать.

Как говорят старые люди, повидавшие на своём веку многое: «Одному и топиться грех». Потемнело в глазах, готовых вылезти из глазных впадин.

Бессильно прислонился головой к проему двери, обитой старым дерматином. Слегка повеяло сладковато свежим воздухом, из под косяка двери, или мне только кажется...

Что запомнилось заключительным аккордом, снаружи возник скрипучий голос—мысль Хозяина: «Постой сталкер, „отступник“ тоже пойдет с тобой, сам не лез впереди его...»

...сознание долго приходило в норму, возвращая медленно к реальности. Головная боль ломила мозги.

В висках неравномерно, через раз, кувалдой пробивал в венозных синусах головы, импульсами ток крови.

В глазах всё плыло разными частями наслоения света, почти как в приобретенной трихромазии.

Стадия дальтонизма, нарушение цветного зрения, когда невозможно различать некоторые оттенки светопередачи.

Мысленно ощупывая себя через терзающую боль, обнаружил: что нахожусь лёжа по грудь в обмывающих меня прохладных водах, мирно текущей речки. Через которую переправились и уже выходили на берег. Точнее, мы уже вышли из речки, но я снова очутился в ней.

Недавно или давно я так, трудно понять пока травмированными мозгами.

Расфокусированным зрением кое-как увидел коня.

Тот как ни в чем ни бывало, лениво жевал травку возле берега.

Наверно я при «выбросе», безвольным куском мяса упал с седла в речку. Тут я ощутил, что воды отнюдь не прохладные, а чертовски холодные.

К тому же сколько времени я так пролежал в ней, принимая речную ванну? Видимо долго, и надо выбираться отсюда.

Но ничего: теперь будет всё нормально и всё пройдет, успокаивал себя.

Ничего, что головная боль – восстановимся через практику «Зеркало Изида». Склеимся, и полечимся.

Ничего, что весь мокрый до нитки и замёрз, до стучания зубами и дрожания конечностей – разведём огонь и согреемся, да посушим одежду.

Ничего, что реальность не подлинная – главное пока верить, что всё по-настоящему здесь.

Повезло, что вернулся назад в это время и место.

Да, надо останавливать бессмысленный внутренний диалог, вносящий ненужные заморочки в жизни, мешающий нормальной работе мозга, чтобы восстановить сознание. Выделив только один «маячок» на самом главном процессе.

Конечно, я помнил до «выброса» что у меня есть задание, то есть своя задница находится где-то в кресле, и всё временно, но теперь это чувство ещё больше обострилось, не давая застрять с головой в этой реальности.

Ничего, скоро должно появиться на пути одно местечко Консуэгра, расположенное на тракте, там и передохнем по дороге.

В этом поселение, можно будет остановиться перед последним рывком, почистить основательно пёрышки.

Дорога ведь любит меня, а значит не оставит одного в беде.

Театр: Игры Кошек и Волков

* * *

В театральное здание «Колизея», битком набилось множество разношерстного народу, в час начала представления, новой драматургической пьесы. Выгодно делая антрепренёру владельцу театра, законный аншлаг.

Приносящий ему успех, славу, известность и немного хлеба насущного, в виде денежной прибыли.

Втиснулось разной публики всех мастей, в полной мере желая волшебного зрелища и вкушать духовной пищи:

От плодovitых нищих горожан со своими ароматами немытого тела, что не продохнуть и не встать.

И до напыщенных придворных вельмож, рядом с утончёнными дамами высшего света разодетых в пышные платья, затянутых в тугие корсеты. Вполне демократично, в духе современно свободных нравов.

Но дух здесь в закрытом пространстве точно стоял, хоть топор вешай.

Надо было тоже повесить на грудь мешочек с благовониями вместе со снадобьем для отпугивания всякой живности из насекомых, как советовали бывалые люди, то есть торгаши билетами, перед посещением театрального храма музы Мельпомены. Сего дня, как раз предстоял премьерный показ повой постановки.

Дабы отвлечься от обыденности своего бытия, народ валом валил, скупая билеты в толчее зазывающих в театр уличных глашатаев. А что ещё нужно толпе, для полного счастья? Хлеба и зрелищ, и желательно того и этого побольше. И толпа, тебя на руках будет носить и боготворить.

Еще в античности Юлий Цезарь усвоил простую формулу власти.

Тоже поняв такую формулу, строгой и бездушный институт католической церкви вместе с аппаратом святой инквизиции, малу— помалу разрешил устраивать для людских соборщ, некие шуточные балаганы на площадях и дворах (корралах). Поэтому все известные в Испании авторы пьес, того времени, были так или иначе, служителями инквизиции или принадлежали к церковному культу. Строгое указание «дать зрелищ» шло с самих верхов власти, королевской и церковной. А шуточные балаганы потом выросли в серьёзные театральные выступления и заведения.

И скоро, через полвека, ворвётся на театральные сцены, широко шагнет и высоко прыгнет, новое искусство балета.

Становясь добрым соседом театра. Поэтому иногда, пьесы совмещались с балетной подтанцовкой.

Конечно, это заведение не столичный мадридский театр «Коррал дел Принсипе», или лондонский «Глобус».

Но тоже вполне на уровне, здесь творил и воплощал пьесы свой испанский драматург, подобный легендарному Шекспиру, уроженец Мадрида Лопе де Вега, в свою бытность работающим клерком инквизиции.

А начинателем театра в Испании, разумеется, считается Лопе де Руэда: драматург, антрепренёр, режиссёр и первый актёр своей труппы. Автор нескольких известных комедий.

Одни Лопе, почему то в театре оказывались. Тенденция, однако.

Я действовал локтями и корпусом как шестом на плоту, отталкиваясь то с одной, то с другой стороны берега плотного людского болота, продираясь сквозь толпу зевак поближе к подмосткам. Одновременно борясь с жаждой плотнее зажать нос, или с пожеланием утратить навек обоняние.

Некоторые сеньоры маргинального образца, горячо чертыхаясь скороговоркой, посылали меня лесом, из – за того что я кому нибудь наступил на ногу в спешке, или толкнул чересчур уж грубо под ребра больней: «Как ты смеешь, болван, толкать меня!»

Или произнеся с пафосом высшей богемы: «Тебе здесь не место, деревенщина!»

В те минуты, я много о себе узнал хороших вещей. Вид, однако, надо признать, у меня довольно затрапезный, совсем не праздничный.

Весь мой наряд состоял из той одежды, что была до этого и ещё раньше.

Как говорится, с корабля на бал. Вот у меня такая же история.

Не успел прикупить модных обновок, которые нынче в испанских трендах— брендах сезона.

Встречались кое—какие мутные типы с поволокой в тусклых глазах, наверно заранее укуренные в хлам опиумным кальяном, тупо недоумевая оборачивались, и косились недобро. Намекая на то, что кто-то ищет больших проблем в жизни. В отместку, рискуя сзади от них, получить подлый удар навахой в печень. А как иначе?

Тут простые, и суровые нравы. Можно спокойно через контролеров проходить с личным оружием, и никакого досмотра. Только показывай входной билет, стоивший пару грошей, и проходи по своим местам.

Так я сделал на общем входе: показал свой билет и прошел внутрь обители муз, с неразлучными клинками.

Почему муз, а не музы?

В театре ведь на самом деле работает не одна только Мельпомена.

Тут и живая музыка маленького оркестра для сопровождения действия пьесы, и живопись мастеров художников, представляемая искусно нарисованными декорациями.

К примеру, великий мастер кисти Эль Греко, жил и творил в Толедо.

Отдельные люди крепко поддавши вина, радостно ухмыляясь во весь рот с выбитыми зубами, приглашали угоститься и выпить с ними в буфете, правда, за мой счет, за удачную премьеру пьесы. Понятно: им лишь бы повод был, да надраться в стельку до кабацкой драки, на халяву. Но зачем я очутился в столь экстравагантном месте?

Как вы помните, я уговорился встретиться в городском театре с герцогиней Ребеккой, то есть с Анной. Так как театр был один на весь Толедо, то выискивать по всем заведениям, выбирать где её искать, особо не пришлось.

Поэтому спеша её увидеть, я как вошел в партер, так и на ходу сыпал на обиженную публику, извинениями и «пардонами». И нет времени на всякие церемонии, с поклонами и реверансами.

Устройство театрального помещения, да и внутреннего убранство, немного поразили своей, эммм, как бы это выразить.

И стоит пары слов того, немного описать его:

Здание театра прямоугольное, немалого размера, как с хороший торговый центр. Вместимостью, если брать на широкий глазок: то от трехсот до семьсот зрителей. Семьсот, это самый максимум конечно.

Если все скамьи в партере убрать, да уплотнить вип—места.

Триста, а точнее, все полтысячи посетителей, сегодня уж точно были, никак не меньше сейчас помещались в театре под крышей. Ладно хоть окна открыты для вентиляции воздуха.

В отличие от шекспировского театра, то бишь лондонского «Глобуса», где не было полной крыши над головами простой публики. Она была только по бокам сооружения, похожего на открытый амфитеатр древнего Рима.

Напротив, толедский «Колизей», правильное название которого «El Coliseo», имеет сплошную крышу, поэтому для доступа света, в стенах здания проделаны громадных размеров окна.

Кстати тот же мадридский хваленый «дел Принсипе» был сначала сделан без крыши, под открытым небом.

Лишь потом на этом месте в 1869 году, было построено капитальное здание театра, под названием «Эспаньол».

Южное солнце даёт хорошее освещение, поэтому света из окон достаточно, в отличие от того же «глобуса», где в британском климате только серый туман с хмурыми дождями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.